

выделяет «Венеру Медичи», «Точильщика» и «Борцов», а группе Ниобы посвящает четыре восторженных страницы

В центре внимания поэта и архитектора была, несомненно, живопись, и здесь оценочность его суждений бросается в глаза. Среди художников прошлого первенство принадлежало Рафаэлю, который назван «божественным», — вскользь упомянуты виденные в Риме росписи станц Ватиканского дворца, подробно описываются три картины в Уффицих, по мнению Н. А. Львова, наиболее совершенные и наилучшим образом объясняющие, как развивался гений итальянского художника (В действительности из них кисти Рафаэля бесспорно принадлежит только одна речь идет о «Мадонне со щегленком» (1506) Рафаэля, «Мадонне с младенцем Св. Иоанном» (первая четверть XVI века) Франчабиджо и «Иоанне Крестителе в пустыне» (1518–1520) школы Рафаэля).

Не меньшее восхищение вызывает Тициан, по количеству описанных картин он намного превосходит Рафаэля. Его произведения (или копии с них, выдававшиеся за оригиналы) Н. А. Львов видел и в частной коллекции Джона Удни, и в Уффицих, и в венском замке Бельведер. Картиной, которой потрясла воображение Н. А. Львова, была «Венера Урбинская» (1538). Он сравнивает ее с другим полотном Тициана («Венера и Купидон», 1548), донося до нас легенду, которую, видимо, рассказывали посетителям Уффици тогдашние чичероне. Согласно ей, первая картина изображает возлюбленную художника, вторая — его жену. Это предание становится причиной возникновения оригинального пассажа, где эстетическое сливается с чувственным.

«1-я Б[ольшая] к[артина] Тицианова, изображающая жену его в виде Венеры, которую за плечом сидящей Купидон ласкает, а в ногах собачка гонится за куропаткою»

Тело и лицо сей Венеры так же хорошо, как другой славной Венеры, изображающей любовницу его, но в нем есть та розница красот, какие в жене и в любовнице честной человек желать может, первой тело нестолко красивое, пропорции не так искусныя и нежныя, но видно тело крепкое, здоровое и такое, на коем не без причины можно оковать счастье, вторая Венера — красавица, части тела ея лехкие и нежныя, руки маленькия, груди островатя и ноги под икрами очень тонкия — словом все красоты, обе шающия хорошую утеху, которую одна беременность или другой какой болезни припадок совершенно в ничто обратить может» (л. 31–31 об., с. 61)

«Венера Урбинская» столь взволновала русского поэта, что он возвращается еще раз к этому полотну, наибольшее внимание